

рального героя. Поэт шаг за шагом постигает своего героя, изображая богатый духовный мир человека нашего времени, война-патриота, война-освободителя.

Критику удалось в результате тщательно проведенного анализа содержания, образной системы и философского смысла поэмы А. Твардовского раскрыть «секрет» ее долговечности, ее непреходящего значения, определить место этого явления в русской советской литературе. Весь пафос статьи направлен против измышлений иных критиков, силящихся доказать, что то произведение, которое написано по горячим следам времени, не может быть полноценным в художественном отношении. Созданная в ходе великой войны, поэма не только грела сердца защитников родины на фронте, протянувшемся от Баренцова до Черного моря, но и теперь участвует в формировании духовного облика советского человека наших дней, волнует читателя рядом больших идей, чувств, мыслей, воплощенных в совершенной художественной форме. Такова сила произведений, написанных с партийных позиций подлинным художником, произведений на самую современную, самую злободневную тему.

В своих статьях А. Макаров далек от комментаторства, от изложения, пусть даже красочного и эмоционального, содержания книг. Он стремится объективно, с позиций жизни, судить о них, выявлять их значение, подмечать ценное и указывать на авторские просчеты и издержки. Именно этим интересна статья о военных романах К. Симонова, где содержится серьезный анализ сильных и слабых сторон дарования писателя. В статье о С. Диковском критик помогает читателю понять особенности рассказов этого писателя, стремившегося запечатлеть советских людей в минуты суровых жизненных испытаний, смертельной опасности, горячего боя с врагом.

Это интересные, по-настоящему творческие работы. Иное впечатление оставляет работа «Социалистический гуманизм в действии» — критические заметки о романах, посвященных народам бывших окраин нашей страны. А. Макаров рассматривает здесь разные книги: «Алитет уходит в горы» Т. Семушкина и «Быстроногий олень» Н. Шундика, «К океану» Н. Задорнова и «Ниссо» П. Лукницкого, «Горы и люди» Ю. Либединского и «Живую воду» А. Кожевникова. Разбор обстоятельный. Но нам кажется, что эта статья по духу своему как бы выпадает из строя других работ, собранных в книге. В статье есть любопытные суждения об идейном и тематическом содержании книг, о проблемах, затронутых авторами. Но в ней нет того, что объединяет все другие работы критика, включенные в сборник, — нет анализа художественной структуры произведений, их эмоционального содержания. В результате неясно, какая разница (кроме, разумеется, чисто тематической) между романом Т. Семушкина и Ю. Либединского, Н. Шундика или Н. Задорнова. Важный критерий качества, художественного своеобразия книг здесь оказался утраченным.

Вл. БАСКАКОВ

НЕУДАЧНАЯ ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЯМ*

Недавно в Оренбурге «в помощь учителям средней школы» издана книга А. Бардина о «Поднятой целине» М. Шолохова.

Книга эта вызывает недоумение уже при первом знакомстве с нею. Композиция ее такова: вначале на полутора десятках страниц зачем-то дана подробная

* А. В. Бардин, «Поднятая целина» М. Шолохова, Оренбургское книжное издательство, 1958, 211 стр.

справка обо всем, что писал Шолохов до «Поднятой целины» с указанием, когда и где каждое из его произведений было опубликовано. А на последних тридцати пяти страницах под заголовком «Дальнейшее творчество М. Шолохова» перечислено все, что было написано Шолоховым в военные и послевоенные годы, с подробным пересказом содержания перечисленных произведений, не исключая и широко известных «Науки ненависти» и «Судьбы человека».

Оба эти раздела, составляющие почти треть книги, не покрываются ее заглавием и являются механическими придатками к ней. Но и основная часть книги, посвященная собственно «Поднятой целине», сильно поубавится в объеме, если из нее удалить многочисленные и пространные цитаты. Мы имеем в виду цитаты не из Шолохова (вполне естественные и необходимые в данной работе), а из различных работ о Шолохове, в том числе и из статей, опубликованных в журнале «Литература в школе», хотя журнал этот выписывается почти каждой средней школой и многими учителями-словесниками.

Вообще при чтении книги создается впечатление, словно автор ее шагу не может ступить без того, чтобы не опереться на чье-либо печатно высказанное мнение. Что, казалось бы, мудреного или спорного в нижеследующем суждении о Кондрате Майданникове, однако и его А. Бардин не решается высказать от себя: «Майданников является, по словам критика Ю. Лукина, «ведущей фигурой в колхозной жизни, носителем коммунистического отношения к труду» (стр. 47).

Кстати, ни Майданникова, ни других колхозных активистов Гремячего Лога (например, Любишкина и Ушакова, о которых А. Бардин говорит довольно подробно) он почему-то не включил в рубрику «Положительные герои романа», отведя им место в разделе «Образ народа». В названную же рубрику вошли лишь три лица: Давыдов, Нагульнов и Разметнов. По какой логике разделены эти две категории?

За вычетом цитат из работ других авторов работа самого А. Бардина сводится в основном к пересказу содержания «Поднятой целины». Но кто же не знает содержания шолоховских романов при их миллионных тиражах, о которых в самых первых строках своей книги пишет сам А. Бардин?

Впрочем, иной пересказ даже в хорошо известном произведении открывает немало нового для широкого читателя, а по своим литературным достоинствам подчас соперничает с пересказываемой вещью, как хороший перевод соперничает с подлинником. Увы, пересказы А. Бардина ничем не обогащают читателей Шолохова, о стиле же их можно судить по таким уныло канцелярским строкам:

«Коммунисты познакомили Давыдова с наличием в Гремячем Логу ТОЗа...» (стр. 73);

«Он (Нагульнов.— Н. П.) внимательно слушал, как Найденов разговаривал с казаками. Найденов ни слова не сказал о необходимости немедленно свезти семенное зерно в колхозный амбар» (стр. 104);

«Сначала Давыдов хотел записать Нагульнову выговор за нежелание ликвидировать последствия «левых ошибок» (стр. 105) и т. д. и т. п.

Курьезны замечания А. Бардина, когда он пытается определить особенности речи того или иного из персонажей «Поднятой целины»:

«Речь Нагульнова характерна донскими диалектами, просторечиями...» (стр. 106)

«В речи Давыдова нередко встречаются... идиоматические выражения, например: «Сначала надо колхоз родить, а потом уж о машинах беспокоиться. А ты

хочешь вперед хомут купить, а по хомуту уж коня покупать» (стр. 94). Но где же в приведенном] примере «идиоматические выражения?»

«Островнов отлично умеет приспособляться к обстоятельствам. Таков и его язык. Он изобилует различными интонациями, которые часто меняются» (стр. 120). Ну, а в речи человека, не умеющего или не желающего «приспособляться к обстоятельствам», могут быть различные интонации?

Вообще наибольшее недоумение вызывают те страницы книги, где автор, не ограничиваясь пересказом романа, обращается к анализу его формы. Так, на стр. 129—130 он пишет: «С помощью языковых средств автор нередко придает своему роману юмористическое звучание. Приведем следующие примеры: «Опухшая от слез курносая хозяйская дочь ревела белугой, прислонясь к двери...», «Говорили и за колхоз и против до хрипоты, до помрачения в глазах. Кое-где и даже возле сцены противники сходились и брали друг друга за грудки, доказывая свою правоту». Что в этих фразах юмористического и какими «языковыми средствами» достигнуто тут «юмористическое звучание» — остается тайной А. Бардина.

Механически развивая предпосылку, что каждая новая книга писателя «в художественном отношении совершеннее предыдущих», А. Бардин с невольной смелостью умаляет художественную ценность знаменитых пейзажей «Тихого Дона»: «По сравнению с первыми двумя книгами «Тихого Дона» здесь (то есть в «Поднятой целине». — Н. П.) пейзажи написаны ярче, колоритнее, они гармоничнее сочетаются со всем текстом» (стр. 167—168).

В том же разделе («Пейзаж») А. Бардин пишет: «Тесная связь между явлениями природы и человеческими переживаниями выражается, между прочим, и в том, что эти переживания автор часто передает с помощью понятий, заимствованных из жизни природы». И в виде примера приведен диалог, в котором мать Разметнова уговаривает сына жениться, ссылаясь, между прочим, на то, что у сына «по голове уже заморозки прошли» (стр. 160). Вот эта метафора (заморозки — седина), очевидно, и есть в данном случае «понятие, заимствованное из жизни природы» для выражения «тесной связи между явлениями природы и человеческими переживаниями».

Столь же странны наблюдения А. Бардина над «использованием» в «Поднятой целине» «приемов устного народного творчества». Вот несколько примеров:

«Эпитет «лазоревый» — любимый эпитет Шолохова... Подкулачник Дымок, обращаясь к обольщаемой им девушке, называет ее «лазоревым цветком». И здесь этот эпитет исключительно уместен» (стр. 140).

«В устно-поэтическом творчестве нередко встречаются повторения-тавтологии. К этому приему прибегает и Шолохов». И дальше приведены такие примеры из романа: «Пошел, пошел, говорят тебе», — торопит Разметнова Давыдов. «Вы пахать-то пахали когда?» — спрашивает Майданников Давыдова. «А зараз уж так на меня взъелись, так взъелись», — жалуется мать Якова Лукича» (стр. 153) и т. п. Мольеровский мещанин очень удивился тому, что всю жизнь, не подозревая о том, говорил прозой. Еще больше удивился бы он, узнав от А. Бардина, что, разговаривая, он то и дело пользовался средствами фольклорной поэтики.

Приведя несколько пословиц и поговорок из речей действующих лиц романа, А. Бардин отмечает: «Шолохов обычно вводит пословицу в совершенно чистом виде, без каких-либо добавлений» (стр. 146). И дальше пишет: «Многие пословицы, однако, подверглись обработке автора, обросли словами, изменили свою первоначальную форму. Так, пословица «Дураков не сеют, сами родятся» несколько расширяется(?)

в своем объеме. Нередко пословица в романе обрастает словами говорящего. Лятевский говорит Островнову: «Много будешь знать — очень скоро состаришься». Наросло слово «очень». Лушка шутит: «Рябые на любовь, говорят, дюже злые». Наросло слово «говорят»... Это обрастание пословиц новыми словами говорит о творческом отношении Шолохова к фольклору» (стр. 147). Вот уж где, как говорится, комментарии совершенно излишни (осмелимся и мы обогатить это крылатое речение словом «совершенно»).

В целом «монография» А. Бардина не прибавляет ничего существенного к тому, что сказано о «Поднятой целине» на страницах школьного учебника по литературе, а по своему уровню она гораздо ниже этих страниц.

В заключение сообщаем, что книга А. Бардина вышла «под общей редакцией доктора филологических наук, профессора Ф. М. Головенченко».

г. Оренбург

Н. ПРЯНИШНИКОВ

ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ ОБ И. ЛИКСТАНОВЕ*

Имя И. Ликстанова хорошо известно как юному, так и взрослому читателю. Лучшая его повесть «Малышок», изданная тридцать девять раз, переведена на польский, венгерский, румынский, китайский, испанский языки. Однако до сих пор творчество этого талантливой писателя, умершего в 1955 году в расцвете творческих сил, не было по-настоящему изучено. Дело не шло дальше газетных и журнальных рецензий на отдельные книги. Тем более своевременным явился выход в свет работы К. Боголюбова «Иосиф Ликстанов».

Уральский литературовед К. Боголюбов, хорошо знавший И. Ликстанова, собрал и обобщил большой и разнообразный материал о творческом пути писателя. В книжке рассматривается становление писателя, его путь от журналистики в художественную литературу. К. Боголюбов приводит материалы о начальном периоде творческого пути писателя, рассказывает о работе молодого И. Ликстанова в военно-морских газетах «Красный черноморец» и «Красный Балтийский флот»; о создании литературной группы военно-морских писателей, которая потом вошла в ЛОКАФ; о выпуске литературной страницы «Литературная вахта», где И. Ликстанов печатал свои первые очерки и рассказы под псевдонимом Кожан. В это же время писатель Вс. Вишневский привлек его к участию в журналах «Краснофлотец» и «Вокруг света», в которых писатель опубликовал несколько рассказов.

К. Боголюбов справедливо утверждает, что Урал, куда писатель переехал в 1930 году, стал подлинной творческой родиной писателя. Работа в областной газете «Уральский рабочий» дала ему возможность хорошо узнать и горячо полюбить этот богатый и прекрасный край нашей родины. Он узнал уральских тружеников, великодушных мастеров и искусных умельцев, и им посвятил свое творчество.

Центральное место в монографии отводится произведениям И. Ликстанова для детей и юношества. К. Боголюбов дает высокую оценку первой книги И. Ликстанова «Приключение юнги», в которой писатель убедительно показал «корни того беззаветного героизма, какой проявили советские моряки в дни Великой Отечественной войны» (стр. 19). Особое достоинство этой повести критик видит в том, что И. Лик-

* К. Б о г о л ю б о в, Иосиф Ликстанов, Детгиз, М. 1957, 46 стр.